

ПОСТРОИТЬ БУДДИЙСКИЙ ХРАМ: ИНФРАСТРУКТУРА И НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПАЛОМНИЧЕСТВА

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова

Институт этнологии и антропологии РАН

32А Ленинский пр., Москва, Россия

bairjan@mail.ru

Аннотация: В публикации, основанной на полевых материалах автора, представлен путь к вере современного бизнесмена. Решение построить на малой родине буддийский храм «под ключ» взамен разрушенного в 1920-е гг. приводит героя статьи к духовной трансформации. Авторитетные буддийские учителя меняют мировоззрение и поведение благотворителя, а процесс строительства и оснащения храма становится для него делом жизни, перерастая изначальный проект. Автор исследует мотивы, цели, инфраструктуру и маршрут многочисленных поездок своего информанта, которые отражают политическую географию современного буддийского мира. Особое внимание уделено переживанию «чудесного», служащему одним из маркеров веры и подчеркивающему конфессиональный характер этих регулярных поездок. Публикуемое интервью показывает тесную связь конфессиональной буддийской принадлежности с этнической идентификацией калмыков, которая еще несколько десятилетий назад не была столь очевидной. Обращается внимание и на язык спонтанного нарратива, который отражает сложность мировоззрения информанта, сочетающего советские и несоветские ценности.

Ключевые слова: инфраструктура, паломничество, благотворительность, Далай-лама, буддизм, Калмыкия.

Благодарности: Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00420 «Паломничество в пост-секулярном мире: инфраструктура и практики производства духовного опыта».

Для ссылок: Гучинова Э.-Б. Построить буддийский храм: инфраструктура и неканонические значения паломничества // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 299–328.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-299-328

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/guchinova.pdf>

TO BUILD A BUDDHIST TEMPLE: INFRASTRUCTURE AND NON-CANONICAL PILGRIMAGE VALUES

Elza-Bair Guchinova

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

32A Leninskiy Ave., Moscow, Russia

bairjan@mail.ru

Abstract: The aim of this fieldwork-based paper is to show the path to the businessman's faith in the modern historical, social, and confessional context, as well as the language in which it is articulated. The decision to build a Buddhist temple "turnkey" to replace the one destroyed in the 1930s, in his home town leads to spiritual transformation. Buddhist teachers, who have unconditional authority, change the outlook and behaviour of the benefactor. The author examines the infrastructure and itinerary reflecting the political geography of the modern Buddhist world and the goals of the informant's numerous travels. Special attention is paid to the experience of the "miraculous", which emphasizes the confessional character of these regular travels and is one of the markers of faith. The interview material highlights a close connection between the confessional Buddhist affiliation and the ethnic identification of the Kalmyks, which was not so obvious a few decades ago. The language of spontaneous narrative shows the complexity of the respondent's worldview, which combines Soviet and non-Soviet values.

Keywords: Buddhism, pilgrimage, infrastructure, Dalai Lama, charity, temple, Kalmykia, religion.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project no. 19-09-00420 "Pilgrimage in post-secular world: Infrastructure and practices of creating spiritual / religious experiences".

To cite: Guchinova E.-B., 'Postroit buddiyskiy kham: infrastruktura i nekanonicheskie znacheniya palomnichestva' [To Build a Buddhist Temple: Infrastructure and Non-Canonical Pilgrimage Values], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 55, pp. 299–328.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-299-328

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/guchinova.pdf>

Эльза-Баир Гучинова

Построить буддийский храм: инфраструктура и неканонические значения паломничества

В публикации, основанной на полевых материалах автора, представлен путь к вере современного бизнесмена. Решение построить на малой родине буддийский храм «под ключ» взамен разрушенного в 1920-е гг. приводит героя статьи к духовной трансформации. Авторитетные буддийские учителя меняют мировоззрение и поведение благотворителя, а процесс строительства и оснащения храма становится для него делом жизни, перерастая изначальный проект. Автор исследует мотивы, цели, инфраструктуру и маршрут многочисленных поездок своего информанта, которые отражают политическую географию современного буддийского мира. Особое внимание уделено переживанию «чуждого», служащему одним из маркеров веры и подчеркивающему конфессиональный характер этих регулярных поездок. Публикуемое интервью показывает тесную связь конфессиональной буддийской принадлежности с этнической идентификацией калмыков, которая еще несколько десятилетий назад не была столь очевидной. Обращается внимание и на язык спонтанного нарратива, который отражает сложность мировоззрения информанта, сочетающего советские и несоветские ценности.

Ключевые слова: инфраструктура, паломничество, благотворительность, Далай-лама, буддизм, Калмыкия.

Эта публикация подготовлена в ходе исследования паломнических практик в Калмыкии в 2019–2021 гг. Интервью записано в 2019 г. в Элисте. До единственной личной встречи я не была знакома с информантом (далее — Д.М.). Побеседовать с ним как с нетипичным паломником мне посоветовала подруга, его одноклассница, которая накануне вернулась из групповой поездки в Индию вместе с Д.М. Будучи известным человеком в области образования в Элисте и зная мои публикации, она могла разъяснить Д.М. мой научный интерес к его поездкам в Дхарамсалу, и он согласился со мной встретиться. Мой собеседник — бизнесмен в сфере сельского хозяйства, окончил зооинженерное отделение сельхозфака Калмыцкого государственного университета, получил степень кандидата сельскохозяйственных наук. Его бизнес семейный: семь братьев и две сестры заняты делами предприятия. В отличие от нуворишей 1990-х гг., называемых в народе «новыми калмыками» за демонстративное потребление, Д.М. (1962 г.р.), начавший работать в хозяйстве отца в детстве на каникулах, выбрал стиль жизни, в котором доминантами стали «осознанность» поступков и ответственность перед семьей и родом¹.

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва, Россия
bairjan@mail.ru

¹ Здесь — родственники по отцовской линии вместе с женами и детьми.

Согласие на интервью Д.М. было вызвано и готовностью пойти навстречу хорошей знакомой, попросившей поговорить с приезжим доктором наук, и пониманием социального значения своих действий, желанием зафиксировать его, возможно, подвести для себя некоторые промежуточные итоги, чтобы яснее понять свои следующие цели. Мне показалось, что обстоятельный рассказ Д.М. способствовал «новому переживанию собственной идентичности информантом» [Фишман 2012: 27].

Согласовав с Д.М. тему беседы по телефону (его поездки в Индию в связи со строительством хурула¹), я получила приглашение прийти к нему домой. Интервью было свободным: я оставила за собой право задавать вопросы в режиме реального времени, чтобы записать спонтанную речь собеседника, не дав ему возможности предварительного обдумывания. Это важно, потому что в спонтанной речи проговаривается больше: внутренний редактор не всегда успевает перевести чувства и характеристики в устоявшиеся формулировки.

К этому времени я имела опыт работы с устными историями, опубликовав более 20 комментированных интервью с калмыками, имевшими личный опыт депортации. Нарратив о депортации калмыков всегда связан с переживанием травматического опыта, здесь одна из главных проблем — неразработанность языка, на котором можно говорить об этом опыте. В этой ситуации начинает использоваться *язык травмы* [Гучинова 2021: 305], который проявляется в сравнении статуса калмыков с исторически зависимыми социальными группами, с животными, в образах инвалидности, смерти, одиночества, в грамматических формах пассивного залога и пр.

Нарративы о паломничестве, напротив, часто насыщены буддийскими терминами. Этот язык можно назвать *языком веры*, в публикуемом интервью он проявляется в распространенных в буддийской лексике выражениях («кармическая связь», «тело, слово и ум Будды»), в сюжетах о чудесах, о поездках к Его Святейшеству Далай-ламе и встречах с ним. Д.М. часто использует каноническую формулу, с которой начинаются все буддийские притчи: «как я слышал однажды».

Люди, рассказывавшие мне о депортации, нередко настаивали на использовании при публикации их имен, а упоминание старших родственников, погибших на фронте или в Сибири, было для них сродни гражданской молитве по усопшим. Когда пятнадцать лет назад я предложила собеседнице изменить ее имя в публикации, она ответила, что не делала в своей жизни

¹ Хурул (калм.) — буддийский храм.

ничего постыдного, чтобы его скрывать. В наше время, когда отношение к личным данным изменилось, рассказчики не настаивают на сохранении имени и согласны ограничиться инициалами.

Разумеется, я заинтересована в том, чтобы сохранить добрые отношения со всеми информантами, которые однажды прочтут о себе. Для этого я стараюсь авторизовать текст у рассказчика, чтобы избавиться от неточностей перевода устного разговора в письменный текст, уточнить даты, написание старых топонимов и личных имен (которые сибирские паспортистки часто записывали с искажениями). Другая цель состоит в том, чтобы подготовить информанта к восприятию текста его интервью: публикация спонтанной речи может показаться странной человеку, привыкшему к стандартам отредактированных газетных статей с неизменными дифирамбами в адрес героя, которые в научной публикации по определению отсутствуют, и ожидания рассказчика будут обмануты. При знакомстве с транскрибированным текстом и его обсуждении возможное недоумение проходит, и человек оказывается подготовлен к восприятию своего опубликованного интервью.

В калмыцкой культуре, как и во многих других, важный для семьи и рода символический капитал — чтобы «имя человека звучало», т.е. было известно за пределами кочевья (теперь этнической группы) и сохранилось в следующих поколениях. Если рассуждать в таких категориях, интервью, данное специалисту по важной для народа теме, фиксирует этот капитал на бумаге, делая имя рассказчика известным и сохраняя его для внуков и правнуков. Конечно, Д.М. ничего подобного не говорил, но фоновое знание подобных практик в Калмыкии не раз подтверждалось в других интервью, записанных мною ранее.

Перед разговором я объяснила цели и задачи исследования, уточнив, какие именно пункты жизни и мировоззрения собеседника мне важны: значимые старшие родственники, отношение к религии, поездки в Индию, его чувства и мысли в этой связи.

С согласия Д.М. я записывала беседу на диктофон. Интервью больше походило на монолог: после первого вопроса «Вы считаете себя верующим?» спрашивать по существу о чем-то еще не было необходимости — рассказ Д.М. был последовательным и цельным. Я задавала только уточняющие вопросы (о дресс-коде, транспортных расходах, размерах благотворительных взносов), которые опустила при публикации.

Давно не проживая в Калмыкии, я продолжаю считать себя антропологом своего народа, поскольку выросла и училась

в Элисте, а мое исследовательское поле связано преимущественно с калмыцкой культурой. Калмыкия продолжает оставаться самым значимым в профессиональном и эмоциональном отношении локусом на моей ментальной карте, и это поле часто создает дополнительное напряжение: я боюсь ненароком обидеть тех людей, с которыми работала, мне хочется сделать что-то полезное для них. Представленный здесь осторожный анализ паломнических практик — благодарность за те время и внимание, которые были уделены мне собеседником, и вклад в антропологию сотрудничества [Lassiter 2005; de Vidas 2020]. Если в производстве знания при работе с текстом интервью есть толика властных отношений [Clifford, Marcus 1986], хотя бы в возможности автора его интерпретировать, то в этой публикации я предпочитаю выступать в сотрудничестве с Д.М., чтобы наши интересы не противоречили, а дополняли друг друга.

Транскрипт интервью с Д.М. не подвергался редакции за исключением снятых повторов. Кроме того, он разбит мною на части, которым даны названия. Предлагаемый текст интересен сам по себе как низовое свидетельство религиозного активизма. Авторский комментарий я вслед за Йоханнесом Фабианом предлагаю воспринимать как особый жанр этнографии — меморандум (*memoranda*) — «наблюдения, утверждения, пояснения, ссылки, записанные как напоминание, все, что находится между тем, о чем напоминает текст, и тем, что, по нашему мнению, следует помнить, когда мы его читаем» [Fabian 2008: 12].

Буддизм в современной Калмыкии

Возвращение буддизма в социальную жизнь Калмыкии стало возможным в 1990 г., когда в СССР были легализованы публичные духовные практики¹. За прошедшие три декады в этой сфере произошли большие изменения, и буддийская община стала значимой силой в калмыцком обществе. Нравственный авторитет монашеской общины хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни»² основан не только на традиционном пиетете к священникам, но и на уважении к деятельности современной сангхи³. Это стало особенно заметно в последние десятилетия, когда уровень жизни в Калмыкии становился все ниже и заботу о духовных потребностях людей часто брали на себя монахи. В то время как высшие чиновники мало интересовались поддержанием калмыцкого языка и культуры, в Центральном хуруле организовывались бесплатные курсы старой калмыцкой

¹ Согласно закону РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990).

² Иначе — Центральный хурул, самый крупный храм Калмыкии.

³ Община буддийских монахов.

письменности (Тодо бичиг) и разговорного калмыцкого языка, занятия по обучению игре на калмыцкой домбре, лекции по истории народа, прием врачей тибетской медицины, благотворительные программы для малоимущих. Конечно, за последние тридцать лет появлялись и программы государственной поддержки калмыцкого языка, но их результаты не были видны, тогда как курсы калмыцкого языка в хуруле для всех желавших улучшить свой калмыцкий — вживую и по Zoom — были доступными и полезными. Подобные социальные проекты, например ориентированные на традиционное животноводство, стали успешными в Бурятии¹.

В интервью мой собеседник регулярно подчеркивал, что все его действия согласованы с избранным главой калмыцких буддистов Тэло Тулку Ринпоче. Это дань уважения Шаджин-ламе, наставления которого — важный ориентир в жизни многих верующих республики. Приверженность позиции Шаджин-ламы существенна, потому что в последние годы в Калмыкии стали более заметны ламы, ориентированные на российских буддистов во главе с Хамбо-ламой Д. Аюшеевым. Разногласия между последователями Его Святейшества Далай-ламы и последователями Хамбо-ламы проявляются в публичных спорах о праздничных датах (как отмечать Новый год — ориентируясь на тибетцев или на китайцев) или о верном написании мантры (Ом Мани Падме Хум / Ом Мани Бадме Хум), что по существу отражает противостояние между транснациональной традицией северного буддизма и той моделью буддизма, которая была частично унаследована от СССР², но апеллирует к национальной риторике.

Активная работа буддийской общины в Калмыкии многими воспринимается как буддийское возрождение в калмыцкой культуре. Публикуемое интервью показывает, что культура не возрождается сама по себе, ее возрождение зависит от усилий энтузиастов — таких людей, как Д.М. Первый хурул Калмыкии «Сякусн сюме» (1995) и «Золотая обитель Будды Шакьямуни» (2005) были возведены при поддержке главы республики К. Илюмжинова. Хурулы в районах и поселках строились местными силами. После переосмысления истории XX в. нашлись люди, воспринявшие историю классово-борьбы и репрессий в Калмыкии через историю своего рода. В 1930-е гг. образован-

¹ Проект «Социальная отара», см.: [Йонутите 2020].

² Буддийским монахам в послевоенном СССР (а также МНР и КНР) разрешалось (иногда предписывалось) иметь семьи, что отличало их от классического буддийского монашества, которое брало обет безбрачия. Священники из Тувы, Бурятии и Калмыкии, обучавшиеся в Иволгинском дацане, также имеют семьи, а те, что учились в Индии и ориентируются на Далай-ламу, поддерживают celibat.

ные калмыки нередко были активными атеистами, искренне боролись с влиянием лам, многие из них не остались в стороне от государственной политики размонашивания¹ и других репрессивных действий в отношении духовенства. Их внуки хотят искупить вину дедов, разделяя ответственность за заблуждения той эпохи.

Именно так объясняет свое решение построить храм в родном поселке мой собеседник. Действительно, народное осмысление причин депортации в Сибирь включает и признание того, что калмыки позволили государству уничтожить все храмы, не защитили свою веру, отвернулись от нее. Таким образом, «были нарушены законы кармы — нами, калмыками: может быть, в далеком прошлом совершали неблагоприятные деяния, забыв о доброте и чести, а потом отработали карму такой невероятной ценой» [Диилврин Окн 2018: 13]. По этой логике уничтожение в 1930-е гг. буддийских храмов и «запрет на профессию» священника, происходившие без открытого сопротивления населения республики, симметричным образом карается лишением народа собственной формы государственности — ликвидацией Калмыцкой АССР и стигматизацией калмыцкой этничности, а также исчезновением слов «калмык», «калмыцкий» из публичного пространства: атласов и карт СССР, словарей и библиотек.

В 2011 г. в поселке Бага-Бурул Ики-Бурульского района Калмыкии был построен хурул «Ламрим Чойлинг» для всех живущих в поселке и его окрестностях². Эта территория считалась кочевьями рода Бага Бурул, предков Д.М. Сейчас он сам, его братья и сестры с семьями живут в соседнем поселке Оргакин, где находится их основной бизнес. Помимо домов в Оргакине, у них есть квартиры в Элисте.

Замысел построить храм в родовом кочевье, который будет не хуже прежнего, разрушенного, возник у Д.М. в ответ на просьбу местных стариков, адресованную ему как неформальному лидеру рода³. В калмыцком дореволюционном обществе таким лидером был зайсанг⁴, который отвечал за благополучие рода и думал о его будущем стратегически. Д.М. не называет себя зайсангом, поскольку эта роль не принадлежит ему по крови, однако его социальные функции и отношение земляков ей соответствуют. Дед Д.М., коммунист, также обладал лидерскими качествами, что позволило ему в годы репрессий сохранить

¹ Запрет на профессию и принудительная женитьба в 1930-е гг.

² В 2021 г. в Бага-Буруле проживало 530 человек, основное занятие жителей — работа в фермерских хозяйствах.

³ Все родственники по мужской линии и их жены.

⁴ Зайсанг (калм. *зяяснэ*) — аристократ низового уровня, глава рода.

большую расширенную семью в экстремально трудных условиях в Калмыкии и Сибири. Как говорит Д.М., «мы никого в Сибири не оставили» — 16 человек (6 взрослых и 10 детей) были высланы, и все 16 вернулись. Сибирь осталась в памяти народа как символ ссыльного периода и предел испытаний на выживание.

Продолжая линию деда, Д.М. заботится уже не о физическом выживании, а о духовной жизни своего рода и земляков: его главное дело — строительство храма как залог их духовного развития и условие благополучия. В калмыцком обществе, как и во многих других, считается, что семейный социальный капитал не растворяется, а проявляется в иной форме в соответствии с меняющимся историческим контекстом. Социальные траектории представителей аристократического рода на протяжении XX в. прослежены, например, в адыгской культуре на примере семьи, в которой дед был аристократом, отец — секретарем райкома, сын — лидером теневой экономики 1980-х [Дерлугьян 2007]. В нашем случае Д.М. не только успешный бизнесмен, но и представитель большого рода. В интервью он рассказывает о том, как советский и постсоветский опыт влияет на его решения и действия. Чтобы возвести для своего рода храм «под ключ», он едет в паломничество, нацеленное не на личное совершенствование, а на благое для общины дело — обеспечить новый храм необходимым материальным оснащением. В традиционной культуре такие задачи никогда не формулировались, храмы наполнялись предметами культа постепенно.

Сакральная география буддизма, по политическим причинам изменившая свои центры в XX в., направляет маршруты буддистов в Индию, а не в оккупированный в 1952 г. Китаем Тибет. Поездка к Его Святейшеству — большая честь для верующего, своего рода награда. В первые поездки в Индию Д.М. приглашал с собой тех, кто принимал участие в строительстве храма. Позже, когда маршрут в Дхарамсалу был отлажен, отбор происходил не по заслугам, а по желанию.

Д.М. упоминает посещение встреч Его Святейшества Далай-ламы с учеными. Этот формат стал регулярным не только для представителей западной науки, где священники не были чужими в университетах¹, но и для российских исследователей, которые в сотрудничестве с буддийскими монахами выполняют долгосрочный проект в рамках программы «Фундаментальное знание: диалог российских и буддийских ученых». Так,

¹ Например, геше Вангьял, калмык по происхождению, преподавал буддийскую философию в Колумбийском университете в 1960-е гг.

7–8 августа 2017 г. в Дели Его Святейшество Далай-лама принял участие в первом диалоге «Природа сознания», с российской стороны в нем участвовали известные ученые К. Анохин, Т. Черниговская, М. Фаликман¹.

Опыт Д.М. хорошо показывает, как и с помощью какой инфраструктуры (понимая под ней «материальные сети, которые позволяют совершать обмен в пространстве, и физические сети, с помощью которых перемещаются власть, идеи, товары» [Larkin 2013: 327]) обеспечивают доставку религиозной утвари заинтересованные лица. Изучение мотивации и инфраструктуры этих поездок становится актуальным, поскольку западные ученые и тибетские священники склонны объяснять такие практики, как паломничество, «исключительно в терминах системы буддийских метафизических императивов, включающих карму, заслуги, реинкарнацию и, в конечном счете, нирвану», таким образом уводя аналитический фокус «от более тщательного исследования предполагаемых эмпирических категорий, таких как “место / пространство”, “человек”, “субстанция”» [Huber 1994: 24]. В результате игнорировалось социальное значение многих явлений.

Паломничество как одна из «номадических практик», укорененных в буддизме, стало инструментом распространения буддизма и переопределения этнической идентичности на постсоветском пространстве [Bernstein 2012: 194]. Внук коммуниста, относящегося к поколению разрушителей церкви, хочет исправить прошлое, заново построить и наполнить разрушенный храм, от которого остались лишь память и название «Ламрим Чойлинг», данное Далай-ламой в XVIII в.

В позиции Д.М., восстанавливающего сакральный ландшафт местности и заново строящего разрушенный большевиками храм, мне видится стремление восстановить справедливость бизнесмена, который уверен в своих силах и готов трудиться ради процветания не только своей семьи, но и своего рода.

Интервью с Д.М.

Сложно сказать, я верующий или нет. Может быть, и нет. Я соблюдаю определенные калмыцкие обряды, стараюсь соблюдать наши каноны. А так, верующий ли? Наверное, нет.

¹ Многолетняя международная конференция «Фундаментальное знание: диалог российских и буддийских ученых» стартовала в 2017 г., см.: «Далай-лама и российские ученые. Диалоги о природе сознания» <https://ru.dalailama.com/videos/the-nature-of-consciousness-1?fbclid=IwAR0JCY9ibPxG86c7Qs0doHz1Y1WTc9u545gSqTCYI_jrJtw_28GRejHlFI>.

Пролог

Интерес к религии у меня появился примерно в 2004 году. На нашей исторической родине в поселке Бага-Бурул Ики-Бурульского района мы проводили родовой обряд Гал тьялгн¹. Для его проведения собрались представители нашего рода. Там ко мне обратились старики, пожилые представители рода, с просьбой, пока они живы, пока есть связь между нами, построить хурул, так как когда-то в нашем поселке стоял стационарный хурул², но после революции его разрушили. Сохранилось место, где он находился.

Мы с друзьями начали строительство в 2006 году, закончили в 2011 году. Те старики родились до войны в Бага-Буруле, подростками выселялись в Сибирь. Сейчас их уже нет.

Тогда они обращались адресно, именно ко мне, так как у меня бизнес, хозяйство на слуху. Нас семеро братьев, две сестры. У нас семейный бизнес, мы все вместе работаем, выращиваем крупный рогатый скот, овец и пшеницу у себя в районе и располагаем кое-какими ресурсами. Начали мы это дело с энтузиазмом, и процесс пошел.

Семейная история

Мой родной дед по своим временам был грамотным человеком. В 1913 году он закончил первую аймачную школу³ в поселке Ики-Бурул⁴ Ики-Бурульского района. Они с Анджуром Пюрбеевым⁵, нашим калмыцким [государственным] деятелем, вместе заканчивают школу на круглые пятерки. Их отправляют в астраханскую среднюю школу для получения среднего образования по типу современного училища. Они ее окончили. Когда началось революционное движение в нашей степи, он был активистом, вступил в партию, был одним из первых председателей колхоза. Так я слышал.

Но у меня появилось такое ощущение, что вдруг он участвовал, допустим, в разрушении этого хурула при организации колхоза. И я, как внук, должен поправить это дело немножко. Все же кармически связано. Просто так в нашей жизни ничего не бывает. Может, как раз время подошло.

¹ Обряд поклонения огню, цель которого — подношение предкам.

² Хурулы были стационарные и мобильные, последние размещались в войлочной юрте.

³ Аймак — район. Речь идет о первых школах-интернатах для калмыков.

⁴ Тогда хотон Чонын-Сала.

⁵ А.П. Пюрбеев — первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) (1934–1935), председатель СНК Калмыцкой АССР (1935–1937). Расстрелян в 1938 г., позже реабилитирован.

Дед был председателем двух колхозов — имени Сталина в поселке Чонын-сала и «Улан малчи» [«Красный скотовод»], ныне поселок Хомутниковский. После работы в Ики-Буруле его приняли на работу в райком партии. В Красную армию его не забрали, так как он перед войной ногу сломал. Он был вторым или третьим секретарем райкома партии, возглавлял эвакуацию скота из Приютненского района, весь общественный скот они перегнали. Когда немцы ушли, семья деда вернулась из эвакуации в низовьях Волги, калмыков депортировали. Дед попал в Сибирь со своей семьей и семьями двух его родных братьев Балдыра и Обина, которые были на фронте, служили в 110-й ОККД¹.

Дед был выслан в Омскую область, в Москаленский район. В Сибири его в первую зиму, в январе, сразу ставят председателем колхоза. Он сохранил в полном составе свою семью и семьи своих двух братьев. Мы ни одного человека не оставили там. Все вернулись. Он по возвращении из Сибири умер здесь, на родине.

В нашей семье глубоко верующей была моя бабушка Булгун. Она родом из поселка Хар-Булуг, из рода Богдахин, по линии бабушки были священники, лекари. Она была глубоко верующей, лечила людей. Я был маленьким мальчиком, но помню: под покровом темноты приходили люди [на прием], чаще женщины.

Конечно, мы все праздники отмечали — Цаган Сар, Зул². Тогда стариков было много. Мы ходили обвешанные борцигами³ и шиيره, бараньими голяшками. Мы так бегали. Помню, как проводили обряды, как готовились к ним⁴. Тогда, в шестидесятых-семидесятых, широкого [публичного] празднования не было, ни массовых гуляний, чтобы в сельском клубе, Доме культуры отмечали. Люди отмечали в своих домах.

Бабушка Булгун Бадмаевна держала дни поста. Из религиозной утвари у нас до сих пор хранятся джодва⁵, лампадка и серебряная монета — царский рубль с дырочкой. Кто-то из ее родственников ходил паломником в Тибет, оттуда ее принес, и монета передавалась из поколения в поколение. Когда беременные

¹ 110-я ОККД — Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия.

² Праздники календарного цикла: Зул — праздник, близкий Новому году, Цаган-сар — праздник окончания зимы.

³ Борцг — жареные изделия из теста, шиيره — часть опаленной и сваренной голени барана.

⁴ Речь идет о зажигании лампы в форме лодки во время празднования Зул и о выпечке специального вида борцигов на празднование Цаган-сара.

⁵ *Доржин джодва* (калм.) — Алмазная сутра (тиб. *rdō rje gcod pa*, санскр. *Ваджрачхедика праджня-парамита-сутра*), основополагающий текст буддизма махаяны.

женщины чувствовали, что что-то не так (на селе беременность не отменяет физическую работу), приглашали ее, и она с помощью этой монеты выправляла. Монета сейчас у мамы хранится. Старинную лампадку мама у себя держит, никому не отдает. Четки у нее есть и сохранившаяся с дореволюционных времен деревянная пиала.

Буддийские храмы и сакральные места

В хурул часто, к сожалению, не хожу. Обычно хожу перед Зулом продлить года себе и членам семьи, если наступает мой год или год детей¹. На Цаган-сар, на Урс-сар² мы идем освятить все дела, что у нас есть. Помимо Центрального хурула я был в хурулах в Лаганском, Комсомольском, Яшкульском, в Большом Царыне и в Ики-Буруле. У Одинокого тополя³ бываю часто. Мимо этого дерева я проезжаю раз десять в месяц, там рядом наша животноводческая стоянка. Волей-неволей, когда проезжаешь мимо, останавливаешься. В Хошеутовском хуруле⁴ я был. Я специально ездил, он расположен около села Заречное, заходил внутрь, там красиво очень.

В Иволгинском дацане был два раза. Мы туда перевозили, в Бурятию, коров колонной в 25 машин, там их продали. Оставалось время, и мы обратились к нашим партнерам. Они нам организовали встречу с Хамбо-ламой⁵. Мы, 80 человек, поехали, посмотрели дацан. Это была экскурсия. Хамбо-лама нам показал нетленное тело Хамбо-ламы Итигэлова. Там мы заказали определенные обряды. Там есть гелюнг⁶ из Калмыкии.

В Америке мы просто ездили посмотреть как туристы на калмыцкие хурулы. Были в Филадельфии в калмыцком хуруле. Даниил Буджалов⁷ нам показывал его.

Строительство храма

Строительство хурула было народной стройкой. Он же строился для людей той местности. Я рассказал Ринпоче⁸, что мы хотим

¹ Раз в 12 лет, в зависимости от того, в какой год родился, человеку полагается совершать обряд продления жизни.

² Урс-сар — летний праздник плодородия.

³ Сакральное место недалеко от Элисты.

⁴ Единственный сохранившийся калмыцкий хурул находится в Астраханской области, после реконструкции он стал местом паломничества верующих из Калмыкии.

⁵ Избранный глава буддистов России.

⁶ Здесь — священник, монах.

⁷ Активист калмыцкой общины в Филадельфии, потомок эмигрантов первой волны.

⁸ Речь идет о Тэло Тулку Ринпоче — избранном главе буддистов Калмыкии.

быстро на свои собственные деньги построить хурул. Он пояснил, что ценность этого хурула будет тем больше, чем больше людей будут принимать участие в строительстве. Если нет денег, пусть человек придет и поработает. Если водитель, пусть перевезет стройматериалы. Это будут заслуги каждого человека.

Сначала мы выбрали два варианта места. Обратились к нашему Ринпоче, он приехал, выбрал место. Для удобства людей наш Ринпоче дал разрешение на планировку входа с восточной стороны, а не как во всех хурулах — с южной стороны. Поэтому начали строительство хурула с входом на востоке.

Проект нам делал тибетский лама, по этому же проекту, только в большем масштабе, был построен Городовиковский хурул. Мы ему сказали, что у нас село маленькое. Хурул рассчитан на 70 человек. Его называли «Ламрим Чойлинг», это старинное название, которое было в 1766 году дано Далай-ламой. Он не квадратной формы, а немного вытянутой, построен по всем канонам.

Посмотрели, как все в нашем Центральном хуруле устроено, и в уменьшенном масштабе построили. Обязательно мы предусмотрели комнату Его Святейшества Далай-ламы, так как в каждом хуруле должна быть такая комната. Построили комнату Его Святейшества, потом наполняли эту комнату: мебелью обставляли, одежду Его Святейшества привезли. Даже его обувь привезли.

Перед строительством мы думали, кто будет проводить службы. Мы обращались к жителям не только нашего поселка, но и нашего района с предложением, что будем оплачивать обучение, помогать во всем [если они пошлют своего ребенка учиться]. Но пока [люди] не созрели, видимо, для этого. У нас [служат] два ламы: один из Центрального хурула, второй лама из Монголии. Они по очереди по выходным дням проводят индивидуальный прием, службы по большим праздникам. Два-три раза в год проводим большие сборы коренных жителей, кто родом оттуда. Обычно это происходит на Зул и Урс-сар. На Цаган-сар собираются только местные жители.

Оснащение

По религиозным нуждам я езжу исключительно в Индию, уже двенадцать лет. В первый раз мы поехали в 2011 году, когда закончили строительство нашего хурула. Надо было его наполнять.

Как мне пояснили, в хуруле должны присутствовать тело, ум и речь Будды. Тело — большую статую Будды — нам дали монахи Центрального хурула. Речь Будды — его учение — мы привезли из Индии: «Ганджур» и «Данджур». Ум Будды — это ступа. Мы сделали подношение хурулу от нашей семьи в виде

ступы. Мы ее заказывали непальскому мастеру в 2014 году, осыятили ее у Его Святейшества и привезли сюда в хурул.

Речь Будды

Учение Будды в виде «Ганджур» и «Данджур» мы заказывали в государственной типографии Индии в Дели. Из Дели мы повезли книги в Дхарамсалу. Заносили их на освящение Его Святейшеству и привезли домой. Также покупали одежду специальную [для книг]. Для этого брали одежду у родственников, друзей, заворачивали [тома «Ганджура» и «Данджура»], как сказал Ринпоче, для приобретения ими [хозяевами одежды] заслуг. Мы все делали поэтапно, все, как нам говорил Ринпоче. После возведения хурула мы поставили статую, потом привезли «Ганджур» и «Данджур». То есть Тело и Речь Будды уже были. Мы заказали молитвы «Ганджур» [108 томов] и «Данджур» [225 томов], всего 333 тома. Мы ездили в течение двух лет в три поездки, чтобы привезти все тома. У книг большой вес, томов много. Наш Ринпоче сказал нам, что чем больше в этом деле будет участвовать людей, тем выше ценность книг для хурула. В первый раз в Индию мы поехали группой в шесть человек, потом три человека, в третий раз проводились учения¹, поэтому было задействовано очень много людей. Мы советовались во всем в Центральном хуруле.

Перевозка книг «Ганджура» и «Данджура» обошлась дороговато, примерно 3000 долларов, не считая дороги и других расходов. Мы заранее заказывали [книги] через тибетских монахов. В полном объеме «Ганджур» и «Данджур» может печатать только Государственная типография Индии. В Дели есть тибетский район Манджукатила, там расположено представительство тибетского монастыря Дрепунг Гоманг. Через его представителя мы заказывали заранее, оплачивали и договаривались, к какой дате подготовить. Потом приезжали, забирали и ехали дальше.

Чтобы освятить «Ганджур» и «Данджур», надо было согласовать поездку и время нахождения Его Святейшества в Индии. Было задействовано много людей. Нам помогали наши девочки, которые учатся в Дхарамсале². Очень помог монах Нгаванг Лодой, который служит в Центральном хуруле, он тибетец. Он связывался со своими однокурсниками в Индии, они нам помогали в Дхарамсале. Мы через них знали примерный график Его Святейшества, когда он будет находиться в своей резиденции. Мы рассчитывали время и приезжали заранее. Он тогда часто уезжал, то в Америку, то в Европу. Мы подгадывали время.

¹ Буддийские учения, регулярно проводимые для россиян с 2008 г. в Индии и Латвии.

² Студентки из Калмыкии, изучавшие тибетский язык и философию буддизма в Библиотеке тибетских трудов и архивов в Дхарамсале.

В первую поездку в 2011 году нас было шесть человек. Все мужчины. Со мной был мой товарищ, с кем мы строили хурул, и наши друзья, которых мы попросили с нами съездить. Все — калмыки. В тот раз нам повезло, мы, все шесть человек, попали сразу на аудиенцию к Его Святейшеству.

История была такая. Мы приехали, я понял, что вариантов попасть на аудиенцию нет, так как очень много народа. Я сразу понял, что у тибетцев сильно развито чинопочитание. Я сказал своим ребятам, что будем «крутить кино». После этого они меня прозвали Big Boss. Я как босс играл роль большого начальника, один друг играл роль моего охранника, один — переводчика, это был лама из Лаганского хурула. Мы его попросили нам переводить. Они отдельно приехали и не могли попасть на прием. Другой был «моим личным фотографом». Мы зашли ближе к резиденции, где находится секретариат. Я шел специально уверенным шагом, один мне все объясняет, другой фотографирует. Два здоровенных охранника пропустили нас. Когда мы подошли к секретариату, переводчик объяснил им, что это большой начальник из России приехал. И так все получилось, они в тот же день нас записали на прием, и мы попали на аудиенцию Его Святейшества. Все благодаря находчивости.

На аудиенцию отводится времени всего ничего. Мы сказали Его Святейшеству, что приехали, построили хурул, что наполняем его, привезли «Ганджур» и «Данджур» на освящение. Он похвалил нас, сказал: работайте, работы много. Так у нас получилось в первую поездку.

В следующий раз, в 2012 году, мои друзья ехали, они привезли где-то 30–40 томов. В последнюю поездку в 2013 году наши ездили на учения в Дели, тогда я не поехал, заболел. Они привезли оставшуюся часть «Ганджура» и «Данджура». Но каждый раз вся процедура повторялась. Мы оплачивали, забирали книги в Дели, везли в Дхарамсалу, 12 часов туда и обратно 12 часов, в Дели, на машинах. По внутренним авиарейсам в Индии можно перевозить только пятнадцать килограмм на человека, поэтому перевозили на машинах. Я могу дать поддержать такой том. Примерно три килограмма весит одна книга. Всего 333 тома. Женщины собирались и заворачивали каждый том в специальную одежду. Мой экземпляр Его Святейшество держал в руках. Когда лама приходит [к нам], он разворачивает книгу¹, читает ее. Нельзя, чтобы эти книги просто так лежали.

¹ Буддийские книги — непереплетенные стопки продолговатых листов, обернутых специальным образом в лоскут — одежду книги.

Тханки Семнадцати Пандитов¹

После того как мы привезли «Ганджур» и «Данджур», надо было привезти тханки² Семнадцати Пандитов монастыря Наланда. Мы заказали тханки с их изображениями. Изготовили их в Астрахани, отвезли заранее в Индию. Там мы заказали в Дели одеяние специальное, его обшивают там. В 2014 году мы повезли к Его Святейшеству тханки Семнадцати Пандитов для освящения. Освятили и привезли. То есть еще одна поездка была. Тоже с ребятами ездили. Состав менялся. В первый раз ездили люди, с кем мы строили хурул, и друзья, во второй раз — друзья, которые участвовали на всех этапах строительства хурула. Я всем говорил, что, кто хочет, поедemте вместе делегацией.

В 2014 году в четвертый раз мы ехали, чтобы привезти ум Будды — ступу. Ступу ручной работы изготовил в Дели по нашему заказу непальский мастер. Таким же образом мы ее привезли из Дели в Дхарамсалу для освящения, после привезли домой в хурул.

Одежда Его Святейшества

В Индию я езжу раз в год. Ринпоче говорит, что для поездок нужна мотивация — для чего туда ехать, что не нужно ездить туда просто так. Потом мы увидели, что в Центральном хуруле есть одежда Его Святейшества и решили привезти одежду Его Святейшества в наш хурул.

Мы обратились к тибетскому монаху, так как его знакомый является личным портным Его Святейшества. Мы заказали заранее одежду в мастерских в резиденции Его Святейшества. Пришлось схитрить. Мы познакомимся с тибетским монахом, который одевает Его Святейшество. Он такой хороший человек. Наши девочки³ с ним дружат. И мы обратились к нему с такой просьбой. Он взял нашу одежду, одел Его Святейшество в эту одежду утром, Его Святейшество помолился в ней, потом его переодели, так как для разных дел полагается разное одеяние. Эту одежду сложили так, как складывают для Его Святейшества. И в таком виде мы привезли ее домой. Это монашеская одежда красного цвета с желтым — верхнее одеяние, которое оставляет открытым плечо.

¹ Пандит — почетное звание ученого. Семнадцать пандитов монастыря Наланда — великие учителя буддизма.

² Тханка (танка) — в тибетском искусстве изображение, преимущественно религиозного характера, выполненное клеевыми красками или отпечатанное на ткани.

³ Студентки из Калмыкии.

Перед тем как заносить одежду Его Святейшества, мы проводили специальный обряд. Для этого приезжал наш Ринпоче в наш хурул. Перед этим я давал эту одежду тем ребятам, которые помогали материально и принимали участие в строительстве хурула. Я им давал домой каждому на одни сутки, чтобы она ночь побывала в их домах.

Две истории о чудесном

Произошла даже такая история. Эту одежду попросила моя родственница, у которой отказали ноги после инсульта. Она передвигалась в инвалидной коляске. За ней ухаживали муж с сыном. Она услышала, что я привез одежду Его Святейшества, и попросила поддержать в доме одну ночь эту одежду.

Вот что она мне рассказала. Под ними живет таксист, он ночью приехал домой и стучит к нам в дверь со словами: «У вас пожар! Открывайте двери!» На вопрос: «Что случилось?» — он ответил: «У вас в окне все полыхает!» Мы ему ответили, что у нас ничего не полыхает, не горит: «Зайди, посмотри». Он зашел, посмотрел, действительно, ничего не горело. В тот день мы делали подношение, возжигали лампаду, но лампада уже не горела. Он ушел, дома чай попил и хотел вернуться на работу. Выходит из дома, а у соседей опять все полыхает. Опять стучит к нам, и говорит: «Опять у вас горит все в окне! С улицы все полыхает, как будто пожар». Опять ничего не горело. Через неделю после этого она встала на ноги и пошла. Сейчас ее не догонишь, она бегает, а не ходит. А до этого она полгода не вставала, передвигалась только на коляске. Даже в туалет самостоятельно ходить не могла. Думали, что она вообще никогда не встанет. Говорят же, что сила веры есть.

По этому поводу расскажу одну быль. Когда-то давно одного старика послали от всего рода в Тибет молиться. Но он чувствовал, что старый и может не дойти до Тибета. Он взял с собой бедного молодого парня. Видать, был зажиточным человеком. Когда оставалось немного уже пути, старик тяжело заболел и решил, что уже не дойдет, и сказал парню, сопровождавшему его: «Я уже не дойду, силы покидают меня. Вот тебе бярц [подношение] — две золотые монеты. Дойди до Лхасы, помолись. Если тебе удастся попасть к Далай-ламе, попроси бурхан⁴ для нашего рода». Парень согласился. Старик остался, молодой парень дальше пошел. Дошел до Лхасы. От чудесного красивого города, большого количества монахов, обрядов парню вскружило голову, и он забыл просьбу старика. Монеты отдал, попросил

⁴ Здесь — небольшая статуэтка Будды.

силь бурхан забыл. И пошел обратно по тому же пути домой. Когда дошел до того места, где оставил старика, он вспомнил про просьбу. Стал думать, что делать. Нашел сухие эксскременты верблюда, хуршин, завернул его в чистую белую тряпку. Пришел к тому месту, где оставался старик, он был живой. На его расспросы он ответил, что дошел до Лхасы, помолился, что все хорошо прошло. На вопрос старика: «Ты самую главную просьбу выполнил? Взял бурхан для нашего рода, чтобы отвезти домой?» — Парень ответил: «Да-да». Показал завернутую тряпицу. Старик успокоился, помолился, он стал лучше себя чувствовать, они пошли в обратный путь. Оба вернулись домой. Дома рассказали, что старик заболел на половине пути и что парень дошел. Когда развернули тряпицу, в которой были верблюжьи эксскременты, вместо них там оказался золотой бурхан. Вот такова сила веры, что простые эксскременты животного превратились в золотой бурхан.

Буденовка Далай-ламы

Мы привезли одежду Его Святейшества. После этого нам Ринпоче говорит, что к одежде надо привезти специальную шапку, которую надевают на большие молебны¹. У нее форма как у буденовки. Теперь у нас появилась мотивация для следующей поездки. Он сказал нам: поезжайте. В 2016 году мы поехали за шапкой Его Святейшества.

Как приехали, заказали сшить у того же портного шапку, попросили монаха, который одевает Его Святейшество, надеть эту шапку на Далай-ламу. После того как Его Святейшество ее надел, монах нам ее вернул. Мы ее привезли домой.

Был ли в курсе происходящего Далай-лама, я не знаю. Это знает только тот монах, который его одевает. После того как он нам согласился помочь в этом трудном деле, нам было неудобно спрашивать, знал ли Его Святейшество о нашей просьбе и для чего все это.

Туфли Ессо для Далай-ламы

Когда мы начинали строительство хурула, у меня появилась такая блажь. Я эту мысль озвучил своим друзьям — о том, что в Центральном хуруле есть одеяние Его Святейшества, есть шапка, но нет его обуви. Я решил постараться привезти ее.

Мы обратились к нашим тибетским монахам, на что они ответили нам, что по тибетским обычаям нельзя обувь дарить,

¹ Шапка Пандита с длинными ушами (тиб. *pan zhwa rna ring*).

подношения в виде обуви делать. Ринпоче примерно так же отреагировал.

Но мы поехали по другим делам в Индию. Во время нахождения в Дхарамсале я спросил у того монаха, который одевает Его Святейшество, про обувь. На что мне этот монах сказал, что ничего запретного или плохого в моем желании нет. Я спросил монаха, какую обувь носит Его Святейшество. Он мне ответил: обувь фирмы «Экко». Это было в прошлом году. Так получилось, что за короткий промежуток я туда и обратно съездил три раза. Сказал Саналу Мамонову¹, чтобы он нашел мне к следующей поездке нужную обувь для Его Святейшества. Он мне подготовил, и мы купили спортивные мягкие туфли «Экко» без шнурков 42 размера.

По приезде мы отдали подготовленные туфли тому же монаху, которого мы просили до этого, чтобы он передал наше подношение в виде туфель Его Святейшеству. Монах на следующий день возвратил нам туфли, по ним было видно, что в них уже немного ходили. Мы привезли туфли Далай-ламы домой. По приезде мы сообщили Ринпоче, что мы спросили по поводу обуви у монаха, который занимается одеянием Его Святейшества, и он нам ответил, что в нашей просьбе получить его обувь ничего плохого нет. Поэтому мы взяли обувь Его Святейшества. На это Ринпоче ответил: ну хорошо, взяли и взяли.

Когда мы делали подношение в виде обуви, я не стал делать подношение только в виде обуви. Также я еще заказал одеяние для Его Святейшества и сделал подношение в виде комплекта из одеяния и обуви. Этот второй комплект одеяния находится у меня. Об этом я сообщил Ринпоче. На что он мне сказал, чтобы я отдал его в какой-нибудь новый хурул, который построят.

Маршрутизация

Сам Ринпоче нам говорит, что Его Святейшество сейчас находится в таком возрасте, что, если есть возможность, надо ездить. Что это заслуга — увидеть его, что может наступить время, когда он перестанет выходить на всеобщее обозрение. Если у кого есть возможность — езжайте. Но при этом у вас должна быть мотивация. Вот мы и находим себе мотивацию — и едем туда.

Мы всегда ездим одним маршрутом: Москва — Дели — Дхарамсала — Дели — Москва. Только один раз, когда ездил с сыном и снохой, мы отклонились на обратном пути и съездили в Тадж-Махал. Там же недалеко от Дели.

¹ Владелец обувных магазинов в Элисте, в данном случае — лучший консультант в выборе обуви.

В Индии много святых мест. Например, место, где родился Будда, где он достиг просветления под деревом Бодхи. Но я для себя определился. Когда я бываю в Далай-лама Темпл, я просто сижу там в одиночестве, чтобы никого не было рядом. И мне этого заряда хватает на год. Там я отдыхаю душой.

Мы ездим в Дхарамсалу на машине, видим, в каких условиях люди живут. Беднота страшная. У нас хозяйственные постройки в селе лучше, чем их дома. Но они не заморачиваются, живут счастливо, они улыбаются. При том, что люди бедные, злых людей там нет.

Когда приезжаем туда, мы не сквернословим, соленые анекдоты не рассказываем. Там сама обстановка такая. Мы всегда останавливаемся в одной гостинице, оттуда буквально десять шагов до храма. Она не такая комфортабельная, но там сильная энергетика.

В еде я непритворный человек, ем то, что есть. В последнее время после поездок в Индию я беру обет в течение одного-полутора месяцев не есть мяса. Как приехал, говорю: с сегодняшнего дня я не буду употреблять в пищу мясо. В последний раз [в феврале 2019 года] я давал обет до конца мая не есть мясо.

Ринпоче говорит, что надо не просто так брать обеты, а надо при этом говорить: «Во имя всех живых существ», — тогда ваши заслуги увеличиваются. Мы же хотим побольше заслуг накопить, чтобы в следующей жизни не родиться животным.

А так, к моему стыду, я не знаю ни одной молитвы, только на подсознательном уровне ощущаю. У меня есть четки. Я по счастливой случайности попадал на аудиенцию к Его Святейшеству четыре раза. Два раза, когда заходил, а там ничего с собой нельзя заносить, даже авторучки — все отбирают, я на каждую руку накрутил по три пары четок. Четки не забирают перед аудиенцией. Его Святейшество, когда увидел у меня эти четки на руках, сказал мне: снимай. Так было два раза, по шесть четок. Он их брал в свои руки, три раза прогонит их и отдавал их мне.

Четки я покупаю недалеко от его резиденции, там намоленное место, своя энергетика, аура. В Дхарамсале покупаю, помимо четок, веревочки¹ и т.д. Родственники обычно заказывают купить там лекарства, веревочки, амулеты. Все заказы мы собираем от родственников, друзей. Браслеты, амулеты, веревочки, четки мы передаем для освящения и привозим домой.

¹ Защищающие человека шнуры с узлами, обереги.

Конференции с Его Святейшеством Далай-ламой

В 2018 году интересная ситуация была, когда приехал в Дхарамсалу на научную конференцию. Когда она закончилась и Его Святейшество спускается со второго этажа на первый и идет к машине, люди выстроились в живой коридор. Все столпились на одной стороне, а с другой стороны полиция и военные не пускали. Так получилось, что я закурился, и мне попалось место, с которого я не видел Его Святейшества. И я встал со стороны, где стояли военные. Я подошел, они меня не стали трогать. С этой стороны стояли только военные и я, а остальные люди стояли с другой стороны. Его Святейшество прошел рядом, потом вернулся, встал напротив меня, взял меня за уши потрепал, за щеки потрепал. Потом коснулся моей головы и пошел.

В последние разы я был на конференции с учеными. Я там занимал всегда одно и то же место. Было очень жарко. Но когда сидишь рядом с Его Святейшеством, ощущается такая свежесть, обдает прохладой, как будто сидишь рядом с кондиционером.

Аудиенции с Учителем

В 2018 году в тронном зале шел прием. Там такое ощущение! Я себя считаю немного жестким человеком, но у меня слезы градом лились. С нами была девушка, которая с 2003 года жила в Индии, но в непосредственной близости с Его Святейшеством была в первый раз. У нее вообще истерика была.

Перед тем как зайти на аудиенцию, я попросил ее: «Если выдаться одна минута, будь готова перевести Его Святейшеству на тибетский язык мою просьбу. Я скажу: “Ваше Святейшество, помолитесь, пожалуйста, за весь наш многострадальный калмыцкий народ”». Она сказала: «Хорошо».

Когда мы зашли туда, она стала так сильно плакать, была просто никакая. Когда нас представили Его Святейшеству, он сказал: «Калмыки, тибетцы, монголы — это братские народы. Каждый день я встаю, и каждое утро я читаю молитвы о вас». То есть он озвучил то, что я хотел попросить. Что может быть выше, лучше этого?

Мы оттуда вышли, слезы у нас градом потекли. Вся эта обстановка, вокруг бурханы, сам тронный зал, он так величественно сидит.

В другой раз мы заходим, были я с женой и товарищ мой с женой. Мы прошли в зал. Пока фотограф расставлял нас для фотографии, Его Святейшество меня подозвал, снял мои четки, подул на них, взял меня за руку, поставил рядом с собой, сказал: здесь стой. С другой стороны от меня стоит мой товарищ с же-

ной. Я ему кричу: «Возьми жену за руку, чтобы энергетика перешла к тебе». Он с перепуга схватил Его Святейшество, и на фотографии так вышло. Его хватают за руки только калмыки, тибетцы падают лицом ниц перед ним, землю, где он наступил, целуют. Монголы тоже близко не подходят к нему. Корейцы тоже. Это как-то чувствуется, они соблюдают дистанцию. Нашим надо обязательно прикоснуться к нему. Он это знает. Смеется... После аудиенции у всех градом слезы. Такое состояние было. Вроде бы мы со смехом рассказываем друг другу, как все было, делимся ощущениями. Это что-то непередаваемое... Но именно там легко, все, что давит на плечи, все мирские дела там становятся ничем. Такое ощущение внутреннее — не могу описать.

Я немного успешный, и многие могут подумать, что «он с жиру бесится». Чтобы такого не было, мы не привлекаем к себе внимания. На встречи с Его Святейшеством я надеваю строгий костюм, однотонную рубашку. Но на одной фотографии я в свитере и рубашке. Тогда мы не ожидали, что попадем на аудиенцию. Мы пришли узнать, когда к нему попадем. А нам сказали сразу: «Заходите». В чем были, в том и пошли.

Когда поехали в 2018 году, чтобы попасть к Его Святейшеству, нужна была помощь Ринпоче. И мы пошли в ту гостиницу, где остановился Ринпоче. Он же встречает не только калмыцкую делегацию, там какие-то ученые приехали, еще монгольская большая делегация была, делегации из Бурятии, Тувы, американцы богатые приехали. И поскольку мы много лет знакомы, он нам помог, мы попали на аудиенцию.

Бюджет

Билет из Москвы в Дели и обратно стоил 25–26 тысяч рублей. Если перевести в рубли, то проживание в гостинице обошлось в тысячу-полторы рублей в сутки. Что в Дели, что в Джарамсале — одинаково. В Дели мы используем бюджетные гостиницы. Обычно мы ездим в тибетский квартал, там неплохие гостиницы, да и недорого.

Вообще я считаю, что, по-калмыцки зовлнг эдлх [претерпевать трудности], надо в дороге быть скромнее, терпеть неудобства — не так, чтобы приехать в дорогую гостиницу, прилетев на самолете. Наши предки [в паломничество] пешком шли, месяцами туда добирались. Вот так. Большой минивэн стоит 10 тысяч рублей в одну сторону. И мы по четыре-пять человек едем, выходит по 2–2,5 тысячи рублей на каждого. В общем на всех вместе хватает полутора-двух тысяч долларов. Подношения в этот раз были от человека по сто долларов. Когда заходишь к Его Святейшеству, там на входе стоит монах, ему отдаешь.

После того как стали ездить в Индию, мне кажется, я стал немного терпимее. Раньше было так: как я сказал — значит, так. Так у нас выстроились семейные отношения. У нас в семье в основном одни мужчины, нас семь братьев, я самый старший. Чтобы руководить, нужна была твердость, жесткость. По-другому — нет. Сейчас, может быть, это связано с возрастом, мне кажется, я стал помягче. Иногда я себя ругаю за это.

Единственная мантра, которую я читаю, за всех живых существ. Я начинаю перечислять — моя семья: моя старенькая мама, мой больной инвалид-брат, мои братья, моя жена, мои дети, мой внук, племянники, чтобы все были живы-здоровы, чтобы у них все было хорошо. Про себя все это мысленно скажу и начитываю мантру «Ом мани падме хум», и все. У меня такое ощущение есть, что надо так. Так, чтобы начитывать тексты молитв, [у меня] такого нет. Я считаю, что если чем-то заниматься, то надо заниматься серьезно. Я так привык все делать. Я почему не пью и не курю? Лучше и не начинать, потому что понемногу не получится. Мне все говорят, что надо понемногу, но если я начну, то я не остановлюсь. Меры у меня не будет.

У меня мама спрашивала: «Ты стал религиозен?» Я ответил: «Нет, я просто за всех нас прошу, и все. Заказываю благословление на наших живых, молитвы за умерших. Это то, что я могу для Вас сделать», — так сказал. Я просто для себя езжу. Я не прошу денег, золота, очередной машины. Я реально ничего не прошу. В основном только, чтобы были живы-здоровы все близкие.

Я не езжу на учения, так как считаю, что на учения надо ехать подготовленным. Некоторые едут, чтобы увидеть Его Святейшество и к нему прикоснуться. Я такой цели себе не ставлю. Если получится [прикоснуться], то хорошо, если нет — нет. Я двенадцать-тринадцать раз ездил, четыре раза попадал на аудиенцию, два раза на конференции тоже воочию видел Далай-ламу, шесть дней с иностранными учеными, три дня с нашими учеными. Я, конечно, очень много времени провел с Его Святейшеством. Когда первый раз попал на конференцию с российскими учеными, там были наши нейрофизиологи, физики, я подумал, что ничего мне не надо, только попасть еще раз вот так. И так я попал правдами-неправдами с иностранными учеными.

Мои родные братья не ездят [в Индию], так как у них большая загруженность работой. Я им предлагал поехать со мной. Они мне говорят: ты съезди, за нас помолись, зачем нам всем ездить молиться.

Когда мы проводим в хуруле мероприятия, то мы все дела бросаем и едем в хурул, проводим все. Дома лампаду зажигаем

по праздникам, перед дальней дорогой, перед важными мероприятиями, перед семейными важными событиями.

Комментарии. Инфраструктура поездок

Очевидно, Д.М. был одним из первых в Калмыкии, кто взялся за проект возведения храма за свой счет, от замысла до организации регулярных служб. Но благодаря советам Верховной ламы калмыков Тэло Тулку Ринпоче быстро реализуемый проект перерос в длительную деятельность. Этнос бизнеса — ценить прежде всего результат — сменился удовлетворением волонтеров от самого процесса благой работы, во время которой человек показывает и развивает свои лучшие качества и действует не только ради своего благополучия, а «ради всех живых существ на земле».

Запланировать и реализовать двенадцать поездок, последовательно претворяя замысел, под силу далеко не каждому, для этого надо быть российским бизнесменом, который готов подтверждать свой социальный статус, выполняя символический долг старшего в роду. Религиозность стала для Д.М. формой выражения социальной ответственности и вместе с тем престижа, как в традиционной модальности культуры, так и в современных моральных категориях бизнеса.

В XXI в. практически любой товар можно заказать через интернет. Но в данном случае сам процесс должен приносить моральное удовлетворение и быть наполнен символическими смыслами. Мы видим, как практики XIX и XXI вв. объединяются: в них использованы как традиционные цепочки личных знакомств и договоренностей, так и современные виды транспорта, связи и источники информации.

Д.М. едет в Индию, чтобы поддержать социальный престиж, собственный и своего рода, потому что построить храм и не наладить его работу — уязвимая позиция для всего рода багабурульцев. Но в результате сложности и протяженности этого замысла он постепенно становится проектом жизни.

По моим наблюдениям среди успешных бизнесменов Калмыкии практически не встречаются атеисты. Возможно, потому что бизнес всегда сопряжен с риском и зависит от удачи, которая может интерпретироваться как покровительство богов и правильная коммуникация с высшими силами. Или потому что репутация бизнесмена строится на приверженности буддийским нормам морали, которые воспринимаются как часть народной культуры. В некоторой степени такое восстановление буддийских практик представляется как материально-духовное восстановление культуры после сталинских репрессий в отношении

буддийского монашества, после депортации калмыков и тех 13 лет в Сибири, когда немногочисленные верующие молились тайком, порой втайне от внуков. Верность ценностям предков подразумевает и утверждение этничности, которая была минимизирована в советские годы и практически не видна до тех пор, пока коммунисты не перестали быть в России доминирующей силой.

Может быть, поездки Д.М. из Калмыкии в Дхарамсалу были пробным запуском механизма, который конструирует модель восстановления локального храма по канону и по инициативе населения. Используя опыт Д.М., другая группа верующих, оформлявшая убранство храма в своем поселке, сразу запланировала заказ и покупку книг во время учений Далай-ламы для россиян в Дхарамсале в 2019 г.: тяжелые книги были распределены между многими калмыцкими паломниками, возвращавшимися домой налегке, в то время как эконом-класс Аэрофлота позволял два места багажа (23+23 кг).

Совершая поездки в Индию, Д.М. подтверждает традиционные ценности калмыка и его общины — верность «желтой вере», и этим демонстрирует, что в противовес советскому времени, когда калмыки были преимущественно атеистами / агностиками, постсоветские калмыки видят себя частью международного буддийского мира во главе с Далай-ламой. Восстановление действующего храма спустя столетие не может стать повторением прошлого: это работа современного воображения религиозности в приложении к современным возможностям. Нынешние формы паломничества и религиозности не воспроизводят в точности опыт XIX в., но некоторые универсальные правила не забыты. В духовных практиках буддизма не предполагаются удобства, комфорт, скорость. Процессуальность в них так же важна, как и цель. Рассказчик часто использует глаголы несовершенного вида — «заказывали», «оплачивали», «приезжали», «забирали», «ехали», подчеркивающие длительность, протяженность действий. Совместная поездка, смысл которой — доставить религиозную вещь в родной храм, объединяет спутников, раскрывая их лучшие качества. «Святые места также являются средоточием человеческой силы в ее различных проявлениях; они служат центрами, где от людей требуют противостоять и вкладывать средства в предписанные идеи и убеждения» [Huber 1994: 24]. Рассказчик недаром регулярно использует местоимение «мы», подчеркивая важность коллективности, совместности в выполнении дел духовного назначения.

Такое святое место — храм (сначала в виде идеи, затем — конкретного плана и, наконец, здания) — мобилизует людей вокруг проекта, который перерождается в социальную работу. Кроме

самого Д.М. в нарративе присутствуют высшие духовные авторитеты: Далай-лама XIV и глава калмыцкой общины Тэло Тулку Ринпоче. Именно после того, как к проекту подключился Верховный лама Калмыкии, мы видим, что производство духовного опыта становится «осознанным»¹ и участники проекта усложняют свои задачи — «во имя всего живого на земле». Сооруженные православные церкви в моральном дискурсе иногда определяются как «построенные на золоте», т.е. на деньги благотворителя, и как «построенные на слезах», т.е. силами местной общины [Köllner 2011: 194]. В рассматриваемом кейсе сохранен баланс: Д.М. выделяет деньги своей семьи, но, кроме того, вкладывает в проект всего себя — свои силы и время, возводит храм с друзьями, смешивая золото и слезы, продолжая наполнять его святынями, и этому пути нет конца.

Храм, который построен и обустроен командой Д.М., становится транснациональным. Несмотря на то что он сооружен калмыками для калмыцкой общины, благодаря паломническим поездкам храм «собран» из всех важных для буддийского мира мест.

Такие поездки — с каноническими или неканоническими значениями — сами становятся школой веры, и люди, возвратившиеся из Индии, гораздо сильнее подвержены религиозным чувствам, чем прежде. Поездки Д.М. в Индию можно сопоставить с паломничеством, хотя он прямо их так не называет. Об этом говорит, например, готовность «претерпеть телесные лишения, минимизированные до телесного дискомфорта» [Кормина 2020: 3], а также агентность, которая проявляется не только в публичной сфере, но и в тех обетах, которые Д.М. налагает на себя после посещения Дхарамсалы. О паломническом характере поездок Д.М. свидетельствуют его слова о том, как он отдыхает душой в Далай-лама Темпл, именно там ощущая «собственную аутентичную внутреннюю личность» [Кормина 2019: 103]. При этом в поездках в Индию Д.М. проявляет волю, организаторские навыки и даже артистизм, чтобы выполнить свои задачи. Однако, размышляя, о чем просить самую высокую инстанцию, он думает о молитве «обо всем калмыцком народе». Здесь проявляется еще одна характерная черта нарратива калмыков о буддизме — тема особой близости между калмыками и тибетцами, акценты на том, что Его Святейшество относится к калмыкам особенно тепло [Бакаева].

Этические принципы, которым следует Д.М., говорят о его постепенном обращении к вере, хотя сам он себя верующим не считает. Почему? Похоже, что он не признает мерцающую

¹ Осознанность в буддизме понимается как контроль над своими мыслями, чувствами и поведением в стремлении жить так, чтобы не навредить другому.

религиозность как настоящую веру. По другим его репликам мы видим, что Д.М. не любит половинчатых решений, и ему проще называть себя неверующим, чем утверждать то, в чем он до конца не уверен.

Осваивая буддийский мир, Д.М. не стремится уйти с головой в религиозные практики, он продолжает оставаться верным себе, представителю поколения, которое имеет советский и постсоветский опыт. Будучи российским бизнесменом, он понимает, что погруженность в религию не даст ему успешно вести семейный бизнес, поскольку конфликт ценностей неизбежен и лишит его ресурсов для участия в делах хурула в прежнем масштабе. Поэтому он максимально искренне отвечает на вопрос: «Сложно сказать, я верующий или нет. Может быть, и нет». Вместе с тем для многих религия необязательно предполагает веру в Бога, богов или духов, но означает опыт священного, рассматриваемый как «источник личного морального закона и руководство по приписыванию смыслов своей земной жизни» [Кормина 2019: 35–36]. Перед нами пример человека, который не считает себя религиозным, но создает религиозную инфраструктуру как для своего микромира — большой семьи и рода багабурульцев, так и «ради всех живых существ на земле» При этом, рассказывая о встречах с Далай-ламой, Д.М. описывает вполне религиозные ощущения: слезы, эмоциональный подъем, которые выглядят как попытки найти язык для передачи фактически религиозных чувств.

Рассказ о чудесном исцелении тети Д.М., очевидцем которого он стал, — также знак его веры. Для Д.М., отчасти советского человека, вхождение в религиозность — длительный процесс и внутренняя работа, в которой он старается быть честным с собой. Он возвращает свою веру, не форсируя ее, прислушиваясь к знакам и своим чувствам.

Именно опыт лидера и бизнесмена дал возможность Д.М. построить храм и оборудовать его, полагаясь на себя и на свой опыт (который нарратив структурирует, подчеркивая достижения и умалчивая о промахах¹). Паломническая поездка, всегда достигающая своей цели, становится для Д.М. также бизнес-трипом, у которого есть конкретные задачи и для успешной организации которого нужно приложить особые усилия. Именно в такой обстановке Д.М. чувствует себя органично и свободно, порой мобилизуя артистичность и смекалку бизнесмена для выполнения паломнических задач, и возможность контакта с Его Святейшеством становится наградой Д.М., делая его

¹ Случайно я узнала, что Д.М. оплатил 18 месяцев обучения в Индии молодому человеку, который курс не окончил.

«участником божественной коммуникации» [Кормина 2020: 2]. Двенадцать поездок в Индию, имеющих главной целью не личное саморазвитие, не стремление к счастью, а конкретные задачи, направленные на благо сородичей, — своего рода неканоническое паломничество, в котором встреча с Далай-ламой не цель поездки, а ее бонус.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00420 «Паломничество в постсекулярном мире: инфраструктура и практики производства духовного опыта».

Источники

Дишлерин Окн. (Ользеева Е.В.). Дорога в Гоби: рассказы, очерки. Элиста: Калмыкия, 2018. 128 с.

Библиография

- Бакаева Э.П. Далай-ламы и Калмыкия. Из истории взаимоотношений калмыков с тибетскими лидерами // Центральный хурул Республики Калмыкия. <<https://www.khurul.ru/ego-svyatejshestvo-dalaj-lama-xiv/dalaj-lamy-i-kalmykiya/>>.
- Гучинова Э.-Б.М. «Мертвецы есть?»: язык травмы в нарративах о дороге в Сибирь // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 303–313. doi: 10.22162/2500-1523-2021-2-303-313.
- Дерлугьян Г. Горские князья, партвыдвиженцы и помидорщики: двести лет социальной эволюции адыгейских элит [ноябрь 1989 — июнь 1990] // Levon Abrahamian: Festschrift 60. [2007]. <http://levonabrahamian.com/cntnt/publicatio/articles_b/stati/gderlugyan.html>.
- Йонутите К. «Без овечьей отары достойной жизни не будет»: установление границы религии в контексте социально вовлеченного буддизма в Бурятии // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2020. № 1(38). С. 106–122. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-106-122.
- Кормина Ж. Паломники: этнографические очерки православного нomaдизма. М.: ИД ВШЭ, 2019. 348 с.
- Кормина Ж. Поломки и паломники. 2020. (Рукопись).
- Фишман О.М. «Лицом к лицу»: из опыта полевой коммуникации // Смилянская Е.Б. (ред.). О своей земле, своей вере, настоящем и будущем в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива). М.: Индрик, 2012. С. 15–32.
- Bernstein A. On Body-Crossing: Inter-Body Movement in Eurasian Buddhism // Ab Imperio. 2012. № 2: Разнообразиие колониализмов. P. 168–194. doi: 10.1353/imp.2012.0068.
- Clifford J., Marcus G.E. (eds.). Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley, CA; Los Angeles, CA; L.: University of California Press, 1986. IX+305 p.

- de Vidas A.A.* Collaborative Anthropology, Work, and Textual Reception in a Mexican Nahua Village // *American Ethnologist*. 2020. Vol. 47. No. 3. P. 289–302. doi: 10.1111/amet.12913.
- Fabian J.* *Ethnography as Commentary: Writing from the Virtual Archive*. Durham; L.: Duke University Press, 2008. IX+139 p. doi: 10.1215/9780822381204.
- Huber T.* Putting the *gnas* Back into *gnas-skor*: Rethinking Tibetan Buddhist Pilgrimage Practice // *The Tibet Journal*. 1994. Vol. 19. No. 2: Powerful Places and Spaces in Tibetan Religious Culture. P. 23–60.
- Köllner T.* Built with Gold or Tears? Moral Discourses on Church Construction and the Role of Entrepreneurial Donations // *Zigon J.* (ed.). *Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia*. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2011. P. 191–213.
- Larkin B.* The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. 2013. Vol. 42. P. 327–343. doi: 10.1146/annurev-anthro-092412-155522.
- Lassiter L.E.* Collaborative Ethnography and Public Anthropology // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. No. 1. P. 83–106. doi: 10.1086/425658.

To Build a Buddhist Temple: Infrastructure and Non-Canonical Pilgrimage Values

Elza-Bair Guchinova

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
bairjan@mail.ru

The aim of this fieldwork-based paper is to show the path to the businessman's faith in the modern historical, social, and confessional context, as well as the language in which it is articulated. The decision to build a Buddhist temple "turnkey" to replace the one destroyed in the 1930s, in his home town leads to spiritual transformation. Buddhist teachers, who have unconditional authority, change the outlook and behaviour of the benefactor. The author examines the infrastructure and itinerary reflecting the political geography of the modern Buddhist world and the goals of the informant's numerous travels. Special attention is paid to the experience of the "miraculous", which emphasizes the confessional character of these regular travels and is one of the markers of faith. The interview material highlights a close connection between the confessional Buddhist affiliation and the ethnic identification of the Kalmyks, which was not so obvious a few decades ago. The language of spontaneous narrative shows the complexity of the respondent's worldview, which combines Soviet and non-Soviet values.

Keywords: Buddhism, pilgrimage, infrastructure, Dalai Lama, charity, temple, Kalmykia, religion.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project no. 19-09-00420 “Pilgrimage in post-secular world: Infrastructure and practices of creating spiritual / religious experiences”.

References

- Bakaeva E. P., ‘Dalay-lamy i Kalmykiya. Iz istorii vzaimootnosheniy kalmykov s tibetskimi liderami’ [Dalai Lamas and Kalmykia. From the History of Relations between Kalmyks and Tibetan Leaders], *Tsentralnyy khurul Respubliki Kalmykiya* [Central Khurul of the Republic of Kalmykia]. <<https://www.khurul.ru/ego-svyatejshestvo-dalaj-lama-xiv/dalaj-lamy-i-kalmykiya/>>. (In Russian).
- Bernstein A., ‘On Body-Crossing: Inter-Body Movement in Eurasian Buddhism’, *Ab Imperio*, 2012, no. 2: *Raznoobrazie kolonializmov* [Varieties of Colonialism], pp. 168–194. doi: 10.1353/imp.2012.0068.
- Clifford J., Marcus G. E. (eds.), *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, CA; Los Angeles, CA; London: University of California Press, 1986, IX+305 pp.
- de Vidas A. A., ‘Collaborative Anthropology, Work, and Textual Reception in a Mexican Nahua Village’, *American Ethnologist*, 2020, vol. 47, no. 3, pp. 289–302. doi: 10.1111/amet.12913.
- Derlugyan G., ‘Gorskie knyazya, partvydvizhentsy i pomidorshchiki: dvesti let sotsialnoy evolyutsii adygeyskikh elit’ [Mountain Princes, Party Nominees and *Pomidorshchiki* (Illegal Entrepreneurs): Two Hundred Years of Social Evolution of the Adyghe Elites], *Levon Abrahamian: Festschrift* 60, [2007]. <http://levonabrahamian.com/cntnt/publicatio/articles_b/stati/gderlugyan.html>. (In Russian).
- Fabian J., *Ethnography as Commentary: Writing from the Virtual Archive*. Durham; London: Duke University Press, 2008, IX+139 pp. doi: 10.1215/9780822381204.
- Fishman O. M., “‘Litsom k litsu’: iz opyta polevoy kommunikatsii” [“Face to Face”: From the Experience of Field Communication], Smilyanskaya E. B. (ed.), *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [About Their Land, Their Faith, the Present and Experienced in Russia in the 20th–21st Centuries (To the Study of Biographical and Religious Narrative)]. Moscow: Indrik, 2012, pp. 15–32. (In Russian).
- Guchinova E.-B. M., “‘Mertvetsy est?’: yazyk travmy v narrativakh o doroge v Sibir’ [“Are There Any Corpses?”: The Language of Trauma in Narratives about Way to Siberia], *Mongolovedenie*, 2021, vol. 13, no. 2, pp. 303–313. doi: 10.22162/2500-1523-2021-2-303-313. (In Russian).
- Huber T., ‘Putting the *gnas* Back into *gnas-skor*: Rethinking Tibetan Buddhist Pilgrimage Practice’, *The Tibet Journal*, 1994, vol. 19, no. 2: *Powerful Places and Spaces in Tibetan Religious Culture*, pp. 23–60.

- Jonutyté K., “Bez ovecheyey otary dostoynoy zhizni ne budet”: ustanovlenie granitsy religii v kontekste sotsialno вовлечennogo buddizma v Buryatii’ [“There Will Not Be a Dignified Life Without a Flock of Sheep”: Negotiating Religion in the Context of Socially Engaged Buddhism in Buryatia], *Gosudarstvo, religiya i tserkov v Rossii i za rubezhom*, 2020, no. 1(38), pp. 106–122. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-106-122. (In Russian).
- Köllner T., ‘Built with Gold or Tears? Moral Discourses on Church Construction and the Role of Entrepreneurial Donations’, Zigon J. (ed.), *Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011, pp. 191–213.
- Kormina J., *Palomniki: etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic Sketches of Orthodox Nomadism]. Moscow: HSE Publishing House, 2019, 348 pp. (In Russian).
- Kormina J., Polomki i palomniki [Breakdowns and Pilgrims], 2020. (Manuscript). (In Russian).
- Larkin B., ‘The Politics and Poetics of Infrastructure’, *Annual Review of Anthropology*, 2013, vol. 42, pp. 327–343. doi: 10.1146/annurev-anthro-092412-155522.
- Lassiter L. E., ‘Collaborative Ethnography and Public Anthropology’, *Current Anthropology*, 2005, vol. 46, no. 1, pp. 83–106. doi: 10.1086/425658.